

Глаза Хуянь Сюня блеснули. Усмехнувшись, он с силой похлопал Хуянь Атэ по плечу и вскинул руку:

— Сяо Чжигэ мертв! Захватим Яньчжоу и отомстим за князя Хуяня!

Десятки тысяч воинов Бэйди за стенами города разразились ликующими криками. Черное знамя с золотым иероглифом «Го» вткнули прямо перед строем Бэйди.

Воины Яньчжоу, защищавшие городские стены, переглянулись, и на их лицах отразилась тревога.

Ци Вэй и остальные тоже слышали шум снаружи. Ци Вэй стиснул зубы:

— Генерал не мог погибнуть!

Се Лин сомневающимся тоном произнес:

— Но ведь мы не смогли остановить Хуянь Атэ.

Тогда Хуянь Атэ повел войска на выручку царскому двору, и Се Лин выступил им наперерез. Однако Хуянь Сюнь раскусил их замысел и вмешался, из-за чего благоприятный момент был упущен, и Хуянь Атэ успел отступить со своими людьми в Бэймо на день раньше.

Если Сяо Чжигэ столкнулся с Хуянь Атэ лицом к лицу, его шансы на победу были невелики.

— Эти ублюдки только и умеют, что нести чушь! — Те Ху грохнул ладонью по столу. — Разве генерала так легко повергнуть? Если бы он правда пал от их рук, разве они не вывесили бы его тело перед войсками вместо знамени?

Слова Те Ху были грубы, но правдивы. Военачальники снова переглянулись, и их взгляды прояснились:

— Верно! Генерал еще ни разу не терпел поражения! Мы не должны сами сеять панику в войсках.

С этими словами они вышли из шатра, чтобы успокоить солдат и подготовиться к отпору бэйдийцам.

.....

Крики войск Бэйди долетали и до жителей города. Поначалу многие лишь усмехались: в их сердцах генерал оставался непобедимым.

Однако время шло: прошел день, два, три... десять дней.

Натиск бэйдийцев становился все свирепее, а Сяо Чжигэ так и не появлялся. Вскоре поползли слухи, будто боевое знамя генерала было срублено врагами, и непоколебимая вера горожан пошатнулась. Лавки, до сих пор открывавшиеся как обычно, одна за другой закрылись. Люди прятались по домам, охваченные тревогой и страхом.

Даже среди воинов нарастало уныние. Сдерживать ожесточенный штурм бэйдийцев становилось все тяжелее. Как назло, и запасы провизии сократились наполовину. Если враг продолжит так же яростно атаковать, город окажется на грани голода.

Ци Вэй и остальные командиры с ног сбились от беспокойства, однако посланные разведчики ничего не выяснили: о Сяо Чжигэ и его пяти тысячах тяжелых кавалеристов не было ни слуху ни духу.

Ань Чанцин узнал о ходивших за стенами дома слухах лишь спустя четыре или пять дней. Чжоу Хэлань строго приказал слугам и страже молчать, а сам Ань Чанцин все это время покорно оставался в поместье, не выходя наружу.

Однако в этот день Ань Чанцин, наконец набравшись сил, решил пройтись по городу, но Чэнь Су, мямля и смущаясь, попытался преградить ему путь.

Ань Чанцин счел его поведение странным и, не слушая возражений, выбежал на улицу, но увидел лишь пустующие, вымершие переулки. Высмотрев пожилую женщину, он попытался расспросить ее, однако та лишь с сочувствием посмотрела на него и посоветовала мужаться и смириться с утратой.

Ань Чанцин обомлел, но в следующее мгновение его озарила страшная догадка, и он бросился к военному лагерю.

Стражники на воротах не посмели остановить его. Ань Чанцин ворвался в зал совещаний и увидел небритого Ци Вэя, срывавшего злобу на двух солдатах:

— Еще раз услышу, что распускаете слухи, отсчитаю тридцать ударов палками!

Окончив выговор, Ци Вэй поднял голову и встретился взглядом с Ань Чанцином. Встревожившись, командир не успел придумать убедительную ложь, как Ань Чанцин совершенно спокойным тоном спросил:

— Что случилось с князем?

Ци Вэй замялся, не решаясь ответить.

Ань Чанцин оттолкнул его и прошел вглубь помещения:

— Где Те Ху? Позовите его ко мне.

Прочие командиры, включая Те Ху, тут же прибыли на вызов, но никто не решался заговорить первым. В конце концов Те Ху не выдержал:

— Бэйдийцы показывают какое-то знамя и кричат, будто генерал погиб, но я, старина Те, в это не верю! И вы, ванфэй, не верьте!

Расспросив их подробнее, Ань Чанцин восстановил всю картину произошедшего.

Он сжал зубы, вспомнив обещание, данное Сяо Чжигэ перед отъездом: «Я обязательно вернусь». Прикрыв глаза, Ань Чанцин вымолвил:

— Я не верю. Князь обещал вернуться, а значит, он непременно вернется!

— Если жив — мы должны его увидеть, если мертв — найти его тело! — строго чеканил Ань Чанцин. — Вы знаете князя дольше, чем я, и должны понимать, что его не так-то просто сломить!

Те Ху и остальные вздрогнули. Вера, поколебавшаяся за эти дни, снова вернулась к ним.

Разумеется, они не сомневались в силе и уме своего генерала. Однако ежедневные крики бэйдийцев за стенами и отсутствие вестей от разведчиков пошатнули их дух.

— Пока князь не вернулся, мы обязаны удержать Яньчжоу!

Те Ху хлопнул себя по бедру и подхватил:

— Ванфэй прав! Даже если придется отдать жизни, мы защитим Яньчжоу! Если генерал вернется, а город пал, нам незачем будет жить!

Командиры переглянулись, сложив руки в приветствии и опустившись на одно колено:

— Клянемся стоять за Яньчжоу до последней капли крови!

Сжав тонкие пальцы в кулаки так, что ногти въелись в ладони, Ань Чанцин отчеканил каждое слово:

— Я стану бок о бок с вами, чтобы удержать Яньчжоу и дожидаться триумфального возвращения князя!

.....

На городских стенах Яньчжоу поднялся ряд знамен с иероглифом «Го». Ци Вэй перераспределял войска и укреплял оборону, а Те Ху и Се Лин во главе двух отрядов стояли у закрытых ворот, готовые в любой миг вырваться наружу и вступить в бой с бэйдийцами.

Ань Чанцин стоял на городской стене, глядя на темные полчища бэйдийцев. С мрачным видом забрав колотушки у барабанщика, он изо всех сил нанес первый удар по боевому барабану. Под гулкие, раскатистые удары он громко произнес:

— Я — Бэйчжань-ванфэй, Ань Чанцин! Защитники Яньчжоу, слушайте меня! Ваш генерал повел войска в глубокий рейд, совершил нападение на царский двор Бэйди, сразил правителя Бэйди и его старшего сына! Сейчас он уже держит путь обратно в Яньчжоу! Не поддавайтесь на подлые уловки врага!

— Я останусь с вами стоять насмерть, пока генерал не вернется с победой!

С этими словами он снова ударил в барабан, заколачивая ритм все быстрее и яростнее. Воины Яньчжоу, павшие было духом, мгновенно преобразились. Взирая на ванфэй на городской стене и слушая гремющий боевой клич барабанов, они почувствовали, как закипает их кровь.

— Стоять за Яньчжоу насмерть! Встретим генерала с победой!

Их крик подобен был обвалу в горах, а боевой дух взмыл к небесам.

Городские ворота распахнулись, и завязалась жестокая сеча.

Появление Ань Чанцина воспламенило сердца воинов Яньчжоу. Он сдержал свое слово и делом доказал, что делится с ними всеми невзгодами: не обращая внимания на опасность, он изо дня в день выходил на городскую стену и бил в барабан, поддерживая сражавшихся.

Так они продержались еще пять дней.

В зале совещаний Ци Вэй процедил сквозь зубы:

— Провизия на исходе. В Лянчжоу и Чэньчжоу мы заняли все, что могли.

Се Лин спросил:

— А Сучжоу? Могут ли они прислать подкрепление?

— Шэньту Сюй — трусливая тварь, без указа Его Величества он и пальцем не повернет, — гневно буркнул Те Ху.

Срочное донесение только отправили, ответа из Ецзина пока не поступало.

Ань Чанцин, сидевший на краю стола, поинтересовался:

— Сколько зерна осталось?

Ци Вэй ответил:

— Всего пять тысяч даней.

Ань Чанцин опустил глаза и ненадолго задумался, а затем произнес:

— Я читал в одной книге об одном способе. Если разварить зерно в воде, дважды пропарить, а затем высушить на солнце, то из одного даня зерна получится два даня сухих пайков. Правда, я никогда не проверял, правда ли это.

Вспыльчивый Ци Вэй тут же поднялся:

— Я сейчас же прикажу попробовать!

Все поспешили за ним. Впопыхах велели принести один доу зерна для варки и сушки. Прошло полдня; пока все с трепетом ждали исхода, выяснилось, что пропаренное и высушенное зерно действительно разбухло и заняло вдвое больше места, чем раньше: мерная чаша доу смогла вместить лишь половину готового продукта.

Ци Вэй обрадовался:

— Соберите людей, немедленно начинаем готовить сухие пайки!

Ань Чанцин добавил:

— Сражение в самом разгаре, воинов не хватает. Почему бы не призвать на помощь жителей города?

Остальные сочли совет разумным и спешно направили людей призвать горожан. Вскоре в Яньчжоу повсюду задымили котлы — жители начали разваривать, пропаривать и сушить провиант.

Проблема с провизией была временно решена, что позволяло продержаться еще несколько дней. Лица командиров повеселели, и, заметив, насколько истощен Ань Чанцин, они снова стали упрашивать его отправиться отдыхать. Ведь если генерал вернется и увидит ванфэй в таком состоянии, он им этого не простит.

Ань Чанцин лишь качнул головой и, выпрямив спину, направился к городской стене:

— Я уже говорил: я разделю судьбу защитников Яньчжоу.

К вечеру отдохнувшие бэйдийцы вновь пошли на штурм. Ань Чанцин стоял на стене и с холодной отрешенностью взирал на бойню. Все его существо сосредоточилось на дрожащей коже барабана да на оглушительных криках сражающихся.

Эта битва, казалось, длилась дольше всех прежних. Руки Ань Чанцина ослабли от усталости, но он стискивал зубы и продолжал выбивать дробь.

Вдруг из-под стены донесся чей-то громкий крик:

— Генерал вернулся! Генерал вернулся!

В голове у Ань Чанцина все помутилось, колотушки выпали из обессилевших рук. Он бросился к краю стены и посмотрел вниз: там, в окружении воинов, к воротам мчался на коне знакомый высокий силуэт.

Глаза Ань Чанцина мгновенно застлали слезы. Он кинулся назад, поднял колотушки и, яростно забив в барабан, закричал во весь голос:

— Генерал вернулся! Яньчжоу победит!

— Яньчжоу победит!

<http://bllate.org/book/18381/1767756>